

Кирилл

КАЗАНЦЕВ

ВОРОВСКАЯ ЛЮБОВЬ

Золотой

ГРЕХ

Воровская любовь

Кирилл Казанцев

Золотой грех

«ЭКСМО»

2014

Казанцев К.

Золотой грех / К. Казанцев — «Эксмо», 2014 — (Воровская любовь)

Молодой ученый-физик Глеб гулял по парку со своей невестой Юлей, а в следующий миг вдруг очнулся на больничной койке. Что произошло и как он сюда попал – ничего этого ученый не помнил. Глеб вызвал дежурного врача, и тот вскоре появился в палате. Но не один, а в сопровождении сотрудников полиции. Стражи правопорядка предъявили Глебу обвинение в покушении на убийство. Глеб был потрясен! Он с трудом взял себя в руки и попросил назвать имя его жертвы. Ответ полицейских поверг Глеба в шок. Оказалось, он стрелял в свою будущую жену Юлю...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кирилл Казанцев

Золотой грех

© Казанцев К., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Обычные истертые деревянные лавки со спинками, такие знакомые по фильмам советских времен, обычный деревянный барьер слева от стола судьи, где между двумя сержантами милиции сидит подсудимый. И судья, зачитывающая приговор, еще не была одета в знакомую теперь многим черную мантию. Эти мантии ввели чуть позже, в 1992 году, для судей Конституционного суда. И потом их стали носить все судьи, а в том, 1990 году, еще существовал СССР, еще в диковинку было предпринимательство, еще зыбкой была граница между привычным клеймом «спекуляции» и законным бизнесом. И росло, как снежный ком, количество судебных процессов, в которых рассматривались дела об экономических преступлениях.

Судья читал и читал привычной скороговоркой обстоятельства дела, которые вскрылись в результате следствия. Подсудимый сидел, свесив голову, и только желваки на скулах у него шевелились да пальцы рук сцепились в замок и побелели от напряжения.

– ...приговорить к двадцати годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима.

Эти слова прозвучали как удары колокола! Двадцать лет! Что это значит для двадцатипятилетнего парня? То, что выйдет он оттуда уже сорокапятилетним мужиком, скорее всего больным. И вся молодость со всеми ее радостями просто будет вычеркнута из жизни. И подсудимый вскочил с лавки, повис на руках сержантов, вцепившись побелевшими пальцами в деревянный барьер.

– Су-ука-а! – орал он, брызгая слюной. – Ты сука! Ты меня продал, за бабки продал! Но я ведь вернусь, ты не жди, что я там подохну! Я вернусь, Боря! Вернусь, и ты мне заплатишь за все... самым дорогим заплатишь!

Борис Михайлович Давыдов вскрикнул и сел на постели, уставившись бессмысленным взглядом в стену напротив кровати. Постель под ним была мокрой от пота, подушка тоже, майка прилипла к груди. Что? Что? Фу-у, приснится же такое... Чертовщина, не иначе!

Давыдов посмотрел на часы, стоявшие на полочке у изголовья, и вытер рукой лоб. Все равно пора уже вставать. Отбросив одеяло, он спустил ноги на прохладный пол и посидел так немного, приходя в себя после ночного кошмара. Да, были времена! И времена, и возможности. Многие предприимчивые люди тогда очень обрадовались открывающимся перед ними легальным возможностям обогащения. Наконец и социализм дал трещину.

В 1989–1990 годах стали открываться первые кооперативы, появились различные Центры НТТМ – Научно-технического творчества молодежи. Но открывалось все это в основном на базе государственной собственности, поэтому сектор малого предпринимательства был пока незначителен. Но это было уже начало, появлялась цель, появлялись инструменты для ее достижения. Давыдов тогда был одним из немногих, кто по-настоящему оценил раскрывавшиеся возможности.

А потом в августе 1990 года вышло знаменитое Постановление Кабмина СССР № 790 «О мерах по созданию и развитию малых предприятий». Среди прочего, среди различных налоговых льгот и других послаблений, там, в частности, декларировалось и то, что отказ в государственной регистрации малого предприятия по мотивам нецелесообразности его создания не допускается. Это было грандиозно, это был прорыв предпринимательства в стране. И идея государства была понятна: она состояла в том, чтобы начать массовый процесс приватизации мелких нерентабельных и малоэффективных государственных предприятий, перевести их на арендную систему поощрений, кооперативную форму собственности. Или вообще передать трудовым коллективам на принципах акционирования. Все просто, и какая экономия бюджету страны, который рушился и рушился.

Давыдов поднялся, сунул ноги в тапочки и направился в душ. Здесь он остановился на несколько секунд перед большим зеркалом. Здоровый крепкий мужчина, немного начал грузнеть, но в этом есть даже какая-то своя импозантность. Не начал ли толстеть, и под глазами вроде стали появляться мешки. Проклятый сон! На весь день из колеи выбил. А впереди работа, и надо переключаться с личного. Сейчас бы... Юлька далеко, в Чите... женой так больше не обзавелся. Захотелось домашнего уюта, женского тепла? Но кого-то вести в свой дом было неприятно. Привык, наверное. А женщину почему-то стало хотеться все чаще, даже чаще, чем в молодости. Или это только так кажется? Проклятый сон!

Жорка у подъезда, как всегда, тер чистой тряпкой стекла машины. Из толстого баллончика он разбрызгивал на стекло какую-то ароматную пену и вытирал ее размашистыми движениями. И сам весь опрятный, подтянутый, стройный для своих сорока с... чем-то, и машина у него всегда сияет чистотой, и внутри идеальный порядок. Жорка работал у Давыдова уже лет двадцать и умел понимать состояние своего хозяина лучше других. Женщины так не понимали Давыдова, как его водитель.

Стоя спиной к двери подъезда, Жорка вдруг засуетился, сворачивая тряпку и опуская «дворники» на лобовом стекле. Вот опять! Спиной, что ли, чувствует? Хотя так и должно быть, иначе такой работник не нужен.

– Доброе утро, Борис Михалыч! – расплылся Жорка, распахивая перед Давыдовым заднюю дверь машины. – Денек сегодня, а? Для великих свершений!

– Водку жрать в такие дни! – проворчал Давыдов, подавая Жорке руку и скептически разглядывая его не очень дорогой, но опрятный костюм. – Ты вот что... Часикам к четверем собери там джентльменский набор. Поработать надо будет, обсудить...

– Есть подготовить, – весело кивнул Жорка, захлопывая дверку за усевшимся на сиденье шефом.

– У тебя там на карточке осталось еще?

– Нормально, когда кончатся, я скажу, Борис Михалыч. А где будете? Опять у Екатерины? Мужественная женщина! Вам работать, а у нее и дома покоя не бывает.

Это была старая игра, к которой все привыкли. Привык Давыдов, потому что не особенно обращал внимания на то, понимают ли ситуацию его помощники, привыкла сама Екатерина, привык Жорка, которому Давыдов велел завести пластиковую карточку, куда ежемесячно «забрасывал» некоторую сумму. Обязанностью Жорки было покупать что-нибудь для шефа по его заданию. В частности, алкоголь, закуску, фрукты.

С Екатериной у Давыдова началось два года назад. Была Екатерина Шеляхина одним из помощников депутата и отвечала за организационные вопросы. Давыдов ее и взял несколько лет назад к себе потому, что Катя была расторопной, всюду имела своих людей, не стеснялась давить на людей, кривить душой, когда надо, и все понимала с полуслова. Даже с полувзгляда.

Было ей лет тридцать пять, была она замужней женщиной, но Давыдов никогда не интересовался, где и кем работает ее муж. Знал, что у Кати есть дочь-школьница, и помог устроить ее в элитный лицей. Примерно с год Давыдов смотрел на Екатерину как на помощницу, а потом в один из жарких дней вдруг посмотрел на ее колени, обтянутые колготками телесного цвета, на бедра, обтянутые тканью деловой юбки, случайно упал его взгляд туда, где две расстегнутые пуговички обнажали нежную кожу, изящную складочку и белые кружева бюстгальтера.

И как-то по-другому он увидел непослушный локон, то и дело спадавший на глаза, очертания нижней губы, пушок на скуле, ухоженные пальчики. А ведь баба-то совсем ничего. Он, дурак, когда припрет, пользуется шлюхами, а тут под боком... Нет, не теми шлюхами, что стоят вдоль Тверской, и не теми, что поставляют по звонку на телефон «досуга». В каждом социальном слое у мужиков свои шлюхи. У высокопоставленных и шлюхи высокопоставленные. А ведь они совсем не нужны. Надо Катю обкатать, пристегнуть, сделать ее постоянной

любовницей. Что лучше! Всегда под рукой, всегда... Нет, говорить, что всегда согласна, еще рано, но думать так хотелось. Вообще о ней хотелось думать в этом ключе.

Тогда Давыдов, помнится, поймал себя на мысли, что, глядя на Екатерину, ни о чем уже и думать не может. Все мысли о том, как он будет гладить это колено, как его рука полезет под юбку в горячее и таинственное, как послушно расстегнутся эти пуговички, как его руки и губы прижмутся к нежной коже ее груди, как ее губы и ладошки будут ласкать его.

В тот же день он не сдержался и поехал в сауну, где сам себя удивил давно не проявлявшейся в полную силу энергией. А на следующий день он занялся подбором квартиры. Купил он ее через пару недель в доме 4 по Тверской, буквально в двух шагах от здания Государственной думы на Охотном Ряду. Это была хорошая квартира, после недавнего дорогого ремонта.

Давыдов заявил Екатерине, что квартира оформлена на нее и нужна для деловых целей, и распорядился поменять там обстановку. А через месяц он впервые дал ей задание накрыть небольшой фуршет в новой квартире и ждать гостей. Тогда же впервые Жорка привез туда продукты и выпивку, полагая, что Екатерина там живет.

А потом он, Давыдов, приехал сам. Он опоздал на два часа и увидел прежде всего встревоженные глаза своей помощницы. Лишний раз беспокоить депутата по телефону помощникам не рекомендовалось. Екатерина была в платье для коктейля с открытой грудью и плечами. Тонкая ткань шоколадного цвета изумительно подчеркивала фигуру молодой женщины, оттеняла ее каштановые пышные волосы. Более желанной она еще для Давыдова не была.

Он присел на диван, пригласил Екатерину сесть рядом и налить им красного вина. Именно красного, густого и терпкого! Они взяли бокалы, и Давыдов взволнованно рассказал ей, как его к ней тянет, как она ему нужна. И квартира эта так и останется ее, если она даже откажет сейчас. А если не откажет, то он ее не обидит, потому что она...

Он сбился, закрутил сокрушенно головой, а потом стукнул краем своего бокала о бокал Екатерины и опрокинул вино в рот. Он пил и видел краем глаза, что женщина тоже поднесла бокал к губам. Молча! Это должно было означать согласие, это ничего другого не должно было означать, потому что он желал ее, хотел ее, он извелся, как подросток! Он поставил бокал, он взял бокал из ее тонкой руки, отметил капельку вина на нижней губе, увидел ее спокойные глаза, в которых не было страсти, но не было и возмущения.

Соглашается, потому что он ей начальник, потому что зависит от него? Соглашается, потому что хочет получать блага или потому что боится мести с его стороны? Да плевать! Главное, что согласна, а почему это все...

Он взял ее ладонь за шею и властно притянул к себе. Ее спина тихо скользнула по спинке дивана к нему, мягкое плечо уперлось в его грудь, а полные губы оказались совсем рядом с его губами. Он касался их своими губами, чувствуя вкус вина, губной помады и женщины. Она не отвечала на его поцелуи, но губы были мягкими и податливыми. И тело тоже. Стоило ему протянуть руку и коснуться ее груди сквозь тонкую ткань платья, как тело отозвалось легкой неуловимой вибрацией. Или это ему показалось из-за сильного собственного возбуждения, которое охватило его, как в молодые годы.

– Катенька, Катюша, – шептал он как в лихорадке, прижимаясь лбом к ее груди, хватая губами край платья, зарываясь лицом в ложбинку между грудями. – Я так хочу тебя, ты мне так нужна, я теряю голову от твоего тела...

Он стащил с ее плеча платье, обнажил одну из грудей и шептал как будто именно ей, как он теряет голову. Он перечислял все ее части тела, давая им нежные эпитеты, он сходил с ума от того, что не чувствует сопротивления, он раздел женщину уже до пояса и целовал во все места, до каких только дотягивался, его трясло от предвкушения того, что будет дальше, будет обязательно, потому что Катя уже так много ему позволила и все между ними теперь ясно.

Его руки рылись в подоле ее платья, терзая ткань чулок, ощущая горячую кожу и ее безумную нежность. Он рывком прижал Екатерину к себе всем телом, услышал, как она тихо

вскрикнула... Он был груб и страстен, потому что возбуждение достигло пика. Он срывал с себя пиджак, галстук, рубашку, он задирает на ней платье и стаскивал его через голову, тараща глаза на тонкое изящное женское белье, он повалил ее, послушную и податливую, как игрушку...

Все происходило молча, и только подрагивала и позвякивала на столе посуда. А потом он лежал на ней, ощущая, как ей под ним тяжело и как она дышит. Он повернулся на бок на узком диване и уставился в потолок. И все? И это стоило покупки квартиры? Давыдов закрыл глаза и стал вспоминать безумие возбуждения, которое им недавно овладело. Пожалуй, стоило. Стоило потому, что в любой день, в любой час он может ее сюда привести и насладиться ее телом. Между прочим, еще достаточно молодым. А то, что он не испытал ответной страсти... что ж, в этом тоже есть свое возбуждение. Овладевать женщиной, когда она тебе отдается не по любви, а по какой-то причине!

Екатерина молча поднялась и ушла в душ. Давыдов сел и налил себе вина. Думать, смотреть телевизор, общаться душевно с отдавшейся ему женщиной ему не хотелось. Ничего не хотелось. А потом она вышла в новом дорогом домашнем халате и под села к столу. Они выпили, натянуто улыбнувшись друг другу, а потом... Давыдов просто напился до крайности и уснул на этом же диване, сквозь сон и опьянение чувствуя, как Екатерина стягивает с него брюки и рубашку.

...Солнце лупило жаркими лучами прямо в лицо, и от этого головная боль делалась просто нестерпимой. Давыдов со стоном перевернулся лицом вниз и с наслаждением ощутил прохладу подушки. Значит, он в таком неудобном положении лежал так давно, что аж шея затекла. Черт! Что же так неудобно лежать, и...

И тут он вспомнил, что проснулся не у себя дома, вспомнил все, чем закончился вчерашний день. Эта квартира, которую он предложил своей помощнице Екатерине Шеляхиной в обмен на сексуальные отношения. Вспомнил сам секс, вспомнил, как потом вливал и вливал в рот водку, пока не свалился от усталости и опьянения, не удовлетворенный ни сексом, ни...

То, что с сексом получилось не так, как хотелось, Давыдов вспомнил отчетливо. Как-то это все было похоже на то, что женщина просто уступила его домогательствам. Вот откуда неудовлетворенность! Он-то привык к тому, что все с желанием работают на него, проявляют усердие в работе, чтобы не рассердить босса, чтобы угодить ему. Души захотелось? А душу она тебе и не отдала, тело – пожалуйста. Хотел – получи.

Давыдов, лежа на спине, скинул руку над головой и посмотрел на наручные часы. Много! Уже восемь часов утра! Странно, что никто до сих пор... А-а! Он же отключил с вечера мобильник, чтобы не беспокоили. И Жорку он отослал домой с машиной. Сказал, что его подбросит кто-нибудь из... тех, с кем они допоздна будут работать. Жорка был недоволен, он привык не только возить, но и охранять своего шефа.

Пришлось вставать. Судя по идеальному порядку, Екатерина прибралась еще с вечера и уехала домой. К мужу! Давыдов почему-то подумал об этом со злостью. Возомнил себя героем-любовником, от которого все женщины без ума, которые после первого же секса заламывают руки и стенают, что успели выйти замуж и нет у них возможности принадлежать только одному Давыдову. Мысль получилась со злой иронией, и от этой иронии на душе стало немного лучше.

Нашарив телефон, который Шеляхина предусмотрительно положила на край стеклянного журнального столика, Давыдов включил его, и тут же всплыло сообщение, что «этот абонент звонил вам три раза». Номер телефона принадлежал дочери Юльке. Что ей втемяшилось в такую рань? Ух ты! А два раза из трех она звонила еще вчера вечером... Телефон тихо звякнул и высветил новое сообщение, что «этот абонент звонил вам один раз». Номер был Жор-

кин. «Ладно, Жорка подождет», – решил Давыдов. Жорка будет интересоваться указаниями и планами шефа на день...

Телефон в его руке вдруг завибрировал, взорвался бурной мелодией и, как показалось Давыдову от неожиданности, с не присущей ему ранее активностью. Он не ошибся, это была мелодия песни «Одиночество» из репертуара певицы Славы, а значит, до отца дорвалась Юлька.

– Да, – хрипло произнес Давыдов и прокашлялся.

– Папка, привет, – задорно и восторженно прозвучал в аппарате голос дочери. – Ты чего телефоны отключаешь? А кашляешь чего? Простудился, пиво поди хлестал ледяное? У тебя там все нормально в твоих «Москвах»?

– Ну-ну, засыпала вопросами, – улыбнулся Давыдов. – Звонишь ни свет ни заря...

– Папка, у тебя сейчас вовсю должны начаться твои заседания, какие «свет и заря»?

– Тиши, Юля, я на деловой встрече, – соврал Давыдов, понизив голос. – У тебя что-то срочное или я тебе перезвоню, как освобожусь?

– Знаю я тебя. – Чувствовалось, как на том конце провода дочь снисходительно скривила губы. – Опять до поздней ночи не вспомнишь обо мне. А потом начнешь названивать и выяснять, где я и с кем я.

– Ну, тихо-тихо, – примирительно сказал Давыдов. – Развевалась. Я все же отец и могу звонить и контролировать тебя в любое время.

– Короче, отец, – засмеялась Юлька. – Глеб сегодня успешно защитил свою кандидатскую.

– Поздравляю, – проворчал Давыдов, шлепая босыми ногами на кухню в поисках электрического чайника.

– Защита прошла успешно, там такие одобрения сыпались, ты представить себе не можешь, – продолжала щебетать дочь.

– Могу-могу, – ворчливо отвечал Давыдов, наливая воды в кофейный аппарат. Его беспокоило, что он не помнил, есть ли в доме кофе.

– Короче, отец! В субботу в ресторане банкет по этому поводу. Ты просто обязан быть. Там вся профессура со стороны Глеба припрется, а с моей что, никого? Давай, папа-золото-промышленник, подкатывай.

– Юль, а ты могла посоветоваться сначала, – начал отчитывать дочь Давыдов. – А смогу ли я? Я так понимаю, что мое участие уже там сверх всяких ожиданий имеется. Откуда у твоего Глеба деньги на ресторан. Ты дала?

– Ну, пап, тут такое событие, – затараторила Юлька. – Это же раз в жизни бывает...

– Если один, то гнать его в шею надо!

– Ну, я не в том смысле, – раскапризничалась дочь. – Я не в смысле, что из него ученый не получится. Пусть себе на здоровье профессором становится, еще кем-нибудь. Я про то, что это впервые в его жизни, первая диссертация. Такие эмоции раз в жизни бывают!

– Эмоции, – подобрел Давыдов, найдя в шкафчике коробку с чалдами. – Ладно, придумаем что-нибудь. И только ради тебя! Готовьте, что там обмывать будете, значок какой-нибудь, диплом?

– Документы еще не скоро придут. Это пока ВАК утвердит и пришлет... Ну, мы ждем, пап?

– Ждите, ждите, – отключаясь, с насмешкой проговорил Давыдов. – Что вам еще остается.

На самом деле Давыдов очень дальновидно не мешал отношениям дочери и парня не из «их круга». На первый взгляд было бы очевидным искать ей жениха из среды олигархов. Но все эти избалованные мальчишки или еще не выбрались из ночных клубов и дурмана травки, а то еще и чего похуже, или учатся уже в Гарвардах и Оксфордах. Да и что проку от сына, скажем,

Абрамовича. Фактически это потерять для дочери семейный бизнес, случись чего с самим Давыдовым.

Да, весь холдинг по документам является собственностью его дочери. И это понятно, потому что Давыдову, как депутату, заниматься бизнесом нельзя. А из политики уходить пока рано. И что получится? Получится, что он сам отдаст свой бизнес в руки мужа дочери, а тот неизбежно полезет советовать, вмешиваться, руководить. Хотя у него и своего, возможно, будет в достатке, и не до золота жены ему будет. Но рисковать Давыдов не хотел. Пусть лучше у нее муж будет профессором, академиком. Можно даже помочь ему в этом. Все для престижа лучше.

Телефон снова взорвался в его руке тревожным звоном. Давыдов, не глядя, поднес его к уху.

– Слушаю, – недовольно ответил он, потому что пора было уже заняться приготовлением кофе.

– Борис Михайлович, – раздался взволнованный голос Жорки. – Беда! У вас квартиру вскрыли. Тут и полиция уже прибыла... Вас просят приехать.

– Что-о? Как вскрыли? Какие, на хрен, вскрыли, когда она на сигнализации... Что за чушь!

– Я... не в курсе, тут полиция. Так что сказать? Ждать вас? Если что, то я внизу с машиной.

– Жди! – рявкнул в трубку Давыдов и швырнул ее не стол.

Как-то еще со вчерашнего дня у него что-то не заладилось. Что же это за полоса такая! Давыдов вытащил рычаг с лотком, вставил круглый пакетик кофе, вернул рычаг на место. Аппарат мигнул кнопкой и принялся за работу. Он думал о своей квартире и не понимал, как ее можно было вскрыть. Он за две двери с суперсовременными замками отвалил в свое время столько денег, что... Не может быть.

Аппарат мигнул и зажег зеленую кнопку. Значит, готово! Давыдов подставил чашку и нажал кнопку. В чашку начала цедиться тонкой струйкой черная душистая жидкость.

«Наверняка сейчас выяснится, что все это чушь, что полицейские дураки и все напутали», – привычно стал думать Давыдов.

Но потом он вспомнил, что звонил-то Жорка, а Жорка в этих делах понимает. И, наверное, сам видел. Зря психанул, надо было расспросить.

«Хотя, расспрошу, когда в машину сяду». – Кофе приятно согревал все внутри, и некоторая дрожь от похмельного состояния стала проходить.

К дому на Балаклавском проспекте они подъехали через час. За время стояния в пробках Жорка обстоятельно рассказал, как он подъехал утром к дому, прихватив, как у них было заведено, Зинаиду Ивановну. Эта пятидесятилетняя милейшая женщина убирала квартиру, готовила пищу, если надо было, стирала, чтобы в корзине не накапливалось белье. Жорка поднялся в квартиру вместе с Зинаидой, и тут они увидели, что входная дверь чуть приоткрыта. Не подумав ничего плохого, оба только удивились, что хозяин не прикрыл дверь плотно за кем-то. Наверное, из помощников кто-то уже прибежал с утра пораньше.

А потом... Потом все было плохо. Сначала они не поняли, что дом пуст. Жорка уселся на кухне варить себе кофе, а Зинаида отправилась в ванную. И тут она увидела, что дверь в кабинет открыта и что из рабочего стола все вывалено на пол, а еще она увидела через приоткрытую вторую дверь, что в спальне постель заправлена. Хозяин сам этого никогда ни разу не делал, это обязана была делать Зинаида Ивановна. За время ее работы в этом доме Давыдов сам ни разу постель за собой не убрал. Значит, он вообще дома не ночевал!

Давыдов прошел по помещениям, осмотрелся в кабинете.

«Черт! Как все это не вовремя. И сейф вскрыли. Деньги, естественно, украли! Ладно, леший с ними, с деньгами, обидно, что часы утащили. Трое часов – и все подарки. Они,

конечно, дорогие, но... Поставили бы сейчас передо мной этого типа, что залез, убил бы на месте! Нет, сначала бы в глаза посмотреть и услышать внятный ответ. А какого лешего ты лезешь туда, куда нельзя. Ты, падаль, работать не пробовал, ты знаешь, что это значит – иметь бизнес, зарабатывать? В какой-то стране вон руки раньше отрубали...»

– Так вы готовы перечислить, что похищено? – напомнил за спиной следователь.

В шесть вечера в новостях, а в два часа дня уже в Интернете появилась информация о краже из квартиры депутата Государственной думы Давыдова.

– Вор залез в квартиру на Балаклавском проспекте в период с 14.00 до 7.20, подобрал ключи к замкам входной двери, – бойко докладывала смазливая девушка с микрофоном. – В пресс-службе столичного главка МВД РФ факт кражи по указанному адресу подтвердили, уточнив, что преступник унес 300 тысяч рублей, 5 тысяч евро, 5 тысяч долларов и трое позолоченных часов. Уголовное дело возбудили по статье «кража».

А Давыдов в который уже раз метал громы и молнии по телефону в адрес вневедомственной охраны. Сигнализация сработала, оказывается, в семь вечера. Просто наряд полиции из-за дикой пробки не смог пробиться к дому на Балаклавском. Подъехали они с опозданием в двадцать минут, когда в квартире уже и следа воров не было. Давыдов собирался судиться с полицией, он намерен был отыграться хоть на ком-то за безалаберность, за бардак... Собственно, бардак, по его мнению, был вообще во всей стране.

Глеба в доме Давыдовых в Чите знали прекрасно. Борис Михайлович удивился бы тому, как приветливы с этим молодым человеком все наемные работники. И горничная Лида, и повар китаец Ли, и садовник Макарыч. И даже охранники – угрюмые здоровенные парни Олег, Тофик Зейналов и Мишка улыбались и здоровались с Глебом за руку.

И дело было не в том, что Глеб мог вот-вот стать мужем хозяйской дочки Юлии. И даже не в том, что по документам именно Юлия, а не Борис Михайлович, считалась собственницей золотодобывающего предприятия. Просто Глеб – молодой ученый-физик – был отличным парнем. Он был всегда приветлив, словоохотлив, умел шутить и знал массу анекдотов. И он никогда свысока не смотрел на службу дома Давыдовых. Никто из персонала ни за что не проболтался бы Давыдову-старшему, когда тот придет из Москвы, что Глеб порой и до двух ночи задерживался у Юли в комнате.

Сегодня Глеб приехал в поселок Забайкальский, который считался элитным районом Читы, в пять часов вечера. Он не успел поднять руку к кнопке, как из динамика раздался голос Олега – дежурившего сегодня охранника:

– Здорово, Глеб! Открываю...

– Привет, Олег! Юля дома? – задержавшись перед камерой, спросил Глеб.

– Дома, а вы что, не договаривались?

– А если не договаривались, то не пустишь? – рассмеялся Глеб.

– Да ладно тебе! Юлька с меня стружку вместе со шкурой спустит. Иди от греха подальше.

Глеб снова засмеялся и вошел на территорию загородного дома. Дверь плавно закрылась за его спиной. Смеяться было чему, потому что здоровенные охранники очень комично вешали носы и опускали взоры, когда Юлька устраивала им разносы. Никогда это не происходило без причины. То кто-то из парней перед дежурством хлебнул пивка, кто-то опоздал на пятнадцать минут, а кто-то вздремнул перед экранами мониторов. Юлька, как любовно за глаза звали хозяйскую дочь среди obsługi, не была злокой или врединой. Она просто была вспыльчивой, энергичной и эмоциональной. На нее не обижались. Зачастую разнос заканчивался улыбками, добрыми насмешками и ехидными намеками.

Юля была дома. Точнее, возле цветников, где под ее строгим надзором улыбочивый Макарыч срезал розы для букета. Юля хотела устроить сегодня маленькое домашнее торжество по поводу успешной защиты Глеба. Это в ней тоже всем нравилось. Подруги и просто сверст-

ницы Юли стремились выбраться из дома, норовили отмечать торжественные события в клубах и кафе. А вот Юля была девушкой домашней. Для нее самое дорогое и ценное – это домашний уют. И самое важное торжество может быть только дома. И самый приятный праздник – это праздник в домашних условиях. Поэтому и на Новый год Юлю из дома не вытащить.

– Глеб, привет! – сорвалась с места Юля и кинулась по дорожке к молодому человеку. Но тут же она резко остановилась, кинулась к Макарычу. – Ой, розы-то...

– Да иди, иди Христа ради, – махнул Макарыч рукой. – Поставлю я цветы. Вон Лидии отдам и прослежу, чтобы в твою любимую вазу поставила.

– А... ну да! – махнула рукой девушка и снова кинулась к дому. Садовник по-отечески улыбался, глядя ей вслед.

Глеб остановился и с улыбкой ждал Юлю возле ступеней. Теперь, когда за спиной годы работы над диссертацией, успешная защита, теперь можно улыбаться, веселиться. У Глеба появилось ощущение, что свободного времени у него вдруг оказалось очень много. Работа в университете, конечно, осталась, но учебный год еще впереди, а сейчас на крыльях молодости и удачи...

Правда, Глеб в последнее время все чаще и чаще слышал в свой адрес брошенные колкие фразы о том, что Юля богатая наследница и грех за ней не приударить. Это все чаще и чаще портило ему настроение, а в последнее время заставляло даже задуматься и начинать копать в себе. А может, он правда стремится к обеспеченному будущему, а не простому счастью с любимой. Он однажды даже сторяча рассказал об этом Юле. Эх, что тут было! Хорошо, что рядом не оказалось никого из злопыхателей. А как классно было потом лежать на лавке в саду и держать голову на ее коленях. И чувствовать, как она все еще ворчит и нежно гладит его по голове. И как он мог всерьез подумать об этом, как он решил, что она может хоть на миг усомниться в его чувствах?

– Глеб! – Девушка подскочила и повисла на его шее, согнув ноги в коленях. – Глеб, я так рада! Я так горжусь тобой. Я теперь буду представлять тебя новым знакомым и говорить всем небрежно, что ты кандидат физико-математических наук.

– Да ладно тебе, – смутился Глеб.

– Слушай, – как всегда без перехода, сказала Юля возбужденно, – а пошли, погуляем? Лида там начудила с дрожжами, говорит, что старые попались, и теперь наш ужин при свечах откладывается.

– Брось, ну чего ты всех взбаламутила.

– Ничего не взбаламутила, я праздник устраиваю тебе. А Лида печево к этому приурочила по собственной инициативе. Просто она за нас радуется и тебе симпатизирует. Пошли!

– А пошли на реку? – загорелся Глеб. – Там сейчас закат такой красивый будет. Красный-красный! И мы побродим среди сосен на высоком берегу. Свобода, Юлька!

– Какая свобода? – игриво насторожилась девушка.

– Свобода от диссертации, – выдохнул Глеб самозабвенно. – Воздух, сосны и много свободного времени.

– Ты что это удумал! Ты у меня еще докторскую должен защитить, потом членкором стать, потом академиком. На меньшее я не согласна!

– Какая ты корыстная! – подхватил девушку на руки Глеб. – Как не стыдно? Ты простого кандидата уже и любить не хочешь?

– Пусти, – вдруг стала брыкаться Юля и недовольно спрыгнула с его рук. – Ты все не так понимаешь! Я просто хочу, чтобы ты занимался любимым делом с полной самоотдачей. Нравится тебе твоя физика – вот и посвяти ей жизнь, а иначе смысла нет чем-то увлекаться. А я всю жизнь буду создавать тебе условия! Профессорская жена. Профессорша!

Юля фыркнула, расхохоталась и бросилась к воротам, ведущим на улицу. У нее всегда были быстрые переходы от одного настроения к другому. Но, к большому неудовольствию

Глеба, Юля подошла не к двери, ведущей на улицу, а к своей новенькой машине, которую на день рождения подарил ей отец. То был маленький, компактный, но полноценный внедорожник – «Сузуки Джимни». Когда Юля заставляла Глеба садиться с ней в машину, он произвольно снова начинал ощущать свое социальное неравенство. Но спорить, как показывал опыт, было бесполезно. Да и не любил Глеб спорить. Юля не была тираном, она просто любила, чтобы все было по ее, и от этого ощущала полное счастье. И оно распространялось на других. Какой смысл был спорить?

Машину Юля водила просто отлично, что вполне соответствовало ее характеру. А еще она не любила кондиционеров, при первой же возможности опускала оба стекла и носилась с развевающимися волосами. Сейчас она тоже первым делом нажала две кнопки стеклоподъемников, потом включила музыку, и они выехали на улицу. Юля болтала что-то о машинах, о проходимости, а потом вдруг резко затормозила, правда, предварительно посмотрев в зеркало заднего вида, бросила машину в первый же перекресток.

– Сейчас я тебе покажу класс и драйв! – возликовала она с жизнерадостностью ребенка. – Давай небольшой крюк сделаем, и я протащу тебя по такой дороге, где ни одна легковушка не проедет. И не всякий внедорожник!

– Может, не надо? – вяло попросил Глеб, который вообще-то хотел побродить под соснами на закате, почитать возлюбленной стихи, а потом, когда они соберутся назад, сделать предложение. Романтическое гуляние превращалось в какое-то буйство адреналина. Жалко, такая идея была!

И на следующем перекрестке они чуть не врезались в «Тойоту». Черный внедорожник вильнул в сторону, и его понесло боком. За лобовым стеклом два странных лица даже не сделали попытки возмутиться и заорать на бешеную девку за рулем. Один, с мощной челюстью и широко посаженными глазами, играл желваками, а второй изобразил рукой какой-то жест, как будто стряхивал капли с руки. Наверное, это все же был жест возмущения. Юля не смутилась, она весело приложила руку к груди, покивала виновато и ударила по газам.

– Ну, ты носишься! – смог, наконец, раскрыть рот Глеб. – Чуть не разбила на фиг две машины.

– Да ладно тебе! Это они просто испугались, а так расстояние вполне было нормальным для маневра. Не стукнулись бы, я тебе говорю!

Юля мягко проехала по траве и опавшей хвое и остановилась возле крайних сосенок. Тишина на берегу была удивительная. Глеб открыл дверку и некоторое время сидел, вдыхая ароматы тишины и покоя. Девушка, кажется, тоже ощутила нечто умиротворяющее и не произнесла ни слова. Так они и сидели минут пять, глядя, как над сопками наливается закат, как на излучине скапливается и наползает туман.

Цветы! Глеб сейчас думал только о цветах. Он терзался в сомнениях половину дня, но так и не решил, стоит ли приходить с цветами, или от этого пострадает весь сюрприз. Сказывалось отсутствие подобного опыта и знание простой истины, что к женщине с цветами надо приходить как можно чаще. И с поводом, и без повода. Для женщин это очень важно: важно видеть преподнесенный ей букет и слышать признания с использованием комплиментов.

– Пошли, – решительно взял Юлю за руку Глеб и потянул ее к обрывистому берегу, откуда был самый прекрасный вид на реку и заходящее солнце.

Пока они шли по тропе, среди высоких трав, Глеб успел осмотреться и подумать, что тропа говорит об обилии любующихся закатами в этом месте. А значит, и о том, что цветов он тут не найдет. И уже на самом берегу он вдруг увидел под вязами неподалеку то, что нужно. Не так уж много в природе цветов в середине лета. В траве среди больших темно-зеленых раскидистых листьев виднелись свечки из мелких цветков бежевого и почти белого цвета, которые поднимались над землей сантиметров на тридцать. Твердые стебельки можно поломать и руками, главное Юлю отвлечь. Получится вполне символично, ведь внешний вид

этого цветка, именуемого цемицифугой даурской (а в простонародье клопогоном), вполне соответствует торжественности момента.

– Юль, постой тут, – шепнул на ухо девушке Глеб, – я скоро.

Юля тихонько прыснула, видимо, поняв слова Глеба совсем иначе. Она обхватила себя за плечи и смотрела на закат, на туман над рекой и думала о том, что скоро она закончит свой экономический факультет и придется ей приступить ко взрослой работе. Наверное, отец будет настаивать, чтобы она работала в их семейной компании. Может, это и к лучшему. Жаль только, что закончатся и никогда уже не повторятся студенческие годы. Годы, полные нового, романтики, веселых отношений, студенческой самостоятельности, ежегодного посвящения в студенты первокурсников, лекции, походы с девчонками в кафе... много чего будет не хватать потом, когда начнется скучная взрослая жизнь.

Она услышала вскрик и сразу испугалась. Наверное, подсказало женское чутье, тонкая интуиция. Юля как-то сразу увидела Глеба, падающего на землю, увидела занесенную над ним руку какого-то мужика с чем-то зажатым в кулаке, потом из-за деревьев вспыхнуло, казалось, ударив прямо по зрачкам огнем. Юля услышала, как во сне, гулкий грохот, и ее резануло огнем. Она испуганно вскрикнула, потеряла равновесие и полетела вниз. А потом ничего... она просто провалилась в липкую густую темноту, из которой очень трудно вытащить ноги, руки, раскрыть глаза, приподнять тяжеленные веки.

Глава 2

Иван не просто понимал, он очень хорошо знал по опыту, что в тайге без огня смерть. Огонь – это тепло, огонь – это приемлемая горячая пища, без которой цивилизованный человек не проживет долго. Иван слишком хорошо знал, что современный человек еще больше зависим от огня, чем человек каменного века.

Он умел добывать огонь десятком различных способов, но для каждого из них нужно нечто. Нужна искра, нужно тепло, выделяемое трением, сконцентрированным солнечным лучом. Но ничего, что дало бы мощный поток искр, у Ивана не было, увеличительного стекла не было тоже. Оставался древний, как мир, способ трения. Всего-то: упругая палочка, прочный шнур, сухая, достаточно толстая палка и трут, который легко воспламеняется и долго тлеет. Но у Ивана не только не было ножа, у него не найдется в карманах и бечевки. Брючный ремень для этого не годится, а на ногах обувь без шнурков – резиновые сапоги. И сырость вокруг, от которой озноб не прекращался уже несколько часов.

Звук автомобильного сигнала привлек внимание Ивана. От жилья он ушел далеко. Значит, это дорога! Как бы все было здорово, как легко выйти, поймать машину и уехать отсюда подальше. Но и это невыполнимо. Был бы он обычным человеком – затерялся бы легко, но...

Иван осторожно пошел на звук, опасливо озираясь по сторонам. Минут через десять он услышал, что звуки пронесившихся машин стали громче. А еще он хорошо слышал человеческие голоса. Значит, трасса совсем близко. Теперь идти надо осторожнее, желательно пригнаться, чтобы голова не маячила над кустарником.

Это была новенькая беседка, какие дорожные рабочие оставили на трассе «Амур» перед приездом сюда Путина. Очень старались тогда произвести впечатление и устроили чуть ли не через каждые 10–20 километров такие вот зоны отдыха для автомобилистов. И с трассы на машине съехать можно, и столики с лавками под навесами, и баки для мусора. Сворачивай, отдыхай, кушай и не порти природу.

Иван увидел то, что и ожидал. На укатанной площадке стоял фура дальнобойщиков. Старенький «МАН» и двое мужиков в тельняшках возле него. Понятное дело! Утро. Они где-то переночевали, скорее всего возле АЗС или стационарного поста ДПС. Теперь отъехали, чтобы умыться, зубы почистить, позавтракать, масло проверить. Возле беседки стояла пятилитровая бутылка с водой, лежало мыло, зубные щетки, паста, на столике под навесом еда, термос...

Зубная паста! Ни спичек, ни зажигалок, но зато есть зубная паста. Нужна еще и соль... вон на столе в пузырьке рядом с помидорами и огурцами. Это идея, есть такой способ. Вон водители и газовую горелку вытащили, картошку варить будут. Значит, тут есть и сырая картошка.

Иван почти на корточках выбрался из-за кустов и приблизился к задней стене беседки. Между досками были оставлены большие щели, так что видел он мужиков хорошо. Професионалы! Сначала машина, а потом уж и сами. Протянув руку, Иван осторожно взял тубик с зубной пастой, потом пузырек с солью, потом нашарил крупную картофелину. Так же медленно он попятился назад к кустам и скрылся.

Теперь проволока, желательно медная. Где-то тут что-то валялось из мусора. Неистребимы у нас придурки, которые все норовят загадить. Что в городах, что на природе. Ага, вот. Кто-то из водителей очистил кузов или кабину от скопившегося хлама. Старая спецовка, которая от масла и грязи колом стоит. Какие-то ржавые железяки, резина от старой камеры, обрывки проводов... Вот!

Иван выбрал из кучи мусора, завернутого в старую спецовку, два обрывка медного многожильного провода в красной оболочке. Все, ценного тут ничего больше нет. Если только вот эту полоску тонкого металла. Он услышал, как один из водителей кричал напарнику про зуб-

ную пасту и соль, которую тот должен захватить в кабине. Что ответил напарник, Иван слушать не стал.

Он отошел от дороги на приличное расстояние. За два часа, ориентируясь по солнцу, чтобы не давать кругов, он удалился в тайгу километра на три-четыре. Выбрав место, где растительность погуще, Иван устало опустился на траву и с наслаждением вытянул ноги. От голода усталость чувствовалась намного сильнее. Передохнув, он занялся разведением огня. Первым делом с помощью куска железа он разрезал картофелину вдоль. Срез каждой половины смазал зубной пастой, густо посыпал солью и немного потер друг о друга. Теперь пусть полежат, чтобы началась химическая реакция.

Снимать изоляцию с кончика каждого куска провода пришлось зубами. Теперь в его распоряжении оказались два куска с оголенными концами. Проткнув одну из половинок картофеля веткой, он продел в каждую дырку кусок провода, распушил в разные стороны оголенные концы и сложил картофелину вместе. Еще парочка мелких сучков скрепила половинки, чтобы они не расходились. Теперь, насколько Иван помнил, минут десять будет идти реакция накопления энергии. Точнее, преобразование химической энергии в энергию электрического заряда. Конденсатор готов.

За птичьим гнездом не пришлось лезть на дерево, оно висело между ветками молоденькой осинки – деревце достаточно было наклонить. Отлично, вполне старое гнездо, сухое, как сухарь. Универсальное средство для розжига. И мелкий птичий пух с высохшей травой, и веточки, из которых гнездо сплетено. Теперь сложить костер, элементарный шалашик, который даст мгновенное высокое пламя и не потухнет из-за сыроватых ветвей. Это потом можно его разворошить и сделать низкое широкое и жаркое пламя.

Иван старательно выставлял шалашиком мелкие сухие веточки, которые наломал в нижнем ярусе старых деревьев. Потом вторым слоем вокруг выставил палочки потолще. И так до тех пор, пока внешний слой его шалаша не был выложен обломками сухих веток толщиной с руку.

Разогнув медные оголенные проводочки на одном из концов, Иван зажал между ними птичье гнездо. Ну, теперь молись! Он поднес оголенные концы друг к другу... искра была сильнее, чем он даже ожидал. Гнездо мгновенно вспыхнуло и затлело на большом участке. Иван сидел довольный и раздувал огонек. Добавив несколько тонких палочек поверх гнезда, добился устойчивого пламени и только тогда наклонился к костру и вложил внутрь шалашика разожженное гнездо. Через несколько секунд костер занялся веселым огнем.

Иван снял сапоги и вытянул ноги.

«Сейчас посижу немного, – решил он, – и пойду за грибами. Тут полно белых грибов... Наберу, разрежу на половинки и на палочках вокруг огня...»

Желудок отозвался урчанием!

Этот загородный клуб посещали в основном люди, некогда носившие погоны. Назывался он вполне нейтрально – «Сосновый бор». И никогда не принадлежал ведомственно никакой из силовых структур. Просто так повелось, что сюда в основном приезжали действующие офицеры армии, МВД, других ведомств, в которых принято было носить погоны, но большей частью сюда приезжали офицеры, оставившие службу. И офицеры в немаленьких званиях, потому что клуб был не из дешевых. Сосновый бор тут тоже имелся, и располагался он между жилыми домиками, административным корпусом и излучиной Оки. Таким образом, была гарантия, что никто посторонний в бор не забредет.

На одном из теннисных кортов в восемь утра уже разгорелась жаркая схватка. В такую рань обычно никто на спортивные площадки не выходит. Все приезжающие сюда пожить обычно следуют весьма спокойному и размеренному режиму. Долгие вечерние посиделки без излишеств, степенные мероприятия, поздний подъем и легкий завтрак.

Одним из соперников был бывший генерал ФСО Иван Николаевич Романов, вторым – бывший полковник ФСБ Сергей Яковлевич Желобов, в настоящее время занимавший пост заместителя председателя Комитета по развитию районов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Сухощавый, жилистый Романов, блестя темно-кариими глазами, легко перемещался по полю и точно отсылал мяч через сетку. Его противник, мужчина с явными признаками начинающейся грузности и глубокими залысинами, дышал тяжело, смахивал тыльной стороной ладони пот со лба и огорченно улыбался.

– Партия! – громко объявил Романов, метко посылая мяч в переднюю половину, отчего тот отскочил от покрытия корта и взвился свечой вверх.

– Стареем, стареем, – шумно дыша, протянул через сетку руку Желобов. – Не угнаться нам уже за вами!

– Полно вам, Сергей Яковлевич, – засмеялся Романов. – Вы всего на три года старше меня.

– Работа сидячая, – развел руками чиновник. – Оттого и...

Они двинулись к стульям возле судейской вышки, где на спинках висели полотенца и лежали их вещи. Романов обсуждал игру, отмечая некоторые удачные моменты. Он явно льстил Желобову, но делал это так просто и откровенно, что непонятно было, а кто же в этой игре победил.

Романов вот уже несколько лет, собственно, со дня основания, возглавлял частное охранное агентство «Барьер». Агентство бралось только за самые сложные задания, а потому и самые дорогие. Большая часть сотрудников – это бывшие офицеры Федеральной службы охраны, но были специалисты, прошедшие службу и в других ведомствах и структурах. Романов давно заметил одного из своих сотрудников, который прогуливался за сеткой корта, стараясь держаться за раскидистыми ивами.

Наконец Желобов ушел в сторону жилых домиков, а Романов задержался, заявив, что искупнется на берегу. Он знал, что чистюля Желобов в Оке никогда не купается. Молодой человек догнал Романова за вторым рядом сосен, где они были уже не видны со стороны спортивных площадок.

– Есть заказ, Иван Николаевич. Срочный!

– Ну и хорошо, – кивнул Романов, бросив внимательный взгляд на своего сотрудника. – А что беспокоит? Через два часа я был бы в офисе. Давай, колись!

– На агентство вышел некий депутат Государственной думы Борис Михайлович Давыдов. Вышел самостоятельно, без рекомендаций.

– Ладно, уже понял, – притворно вздохнул Романов. – Пошли назад, по дороге изложишь. Завтракать мне здесь не придется.

– Я бутербродов прихватил и термос, – улыбнулся молодой человек.

– Знал, что от завтрака оторвешь? Молодец. Так как на нас Давыдов вышел?

– По телефону.

– Надо полагать, что номер у него сохранился с прошлого года, – задумчиво сказал Романов. – Аккуратный мужик, сохранил номер.

– А что было в прошлом году?

– Он наш бывший клиент. У Давыдова есть приличный бизнес в Забайкалье – он золотопромышленник.

– Но он же депутат?

– Разумеется, что формально владельцем бизнеса является его совершеннолетняя дочь, – терпеливо ответил Романов. – Так вот, в прошлом году возникла необходимость сопроводить из Забайкалья в Москву весьма ценный груз. И в итоге выбор пал на «Барьер». Нашлись люди, которые порекомендовали Давыдову нашу контору.

– Ценный груз? Какой?

– А я не сказал? – насмешливо удивился Романов дотошности своего сотрудника. – Несколько уникальных самородков золота. В древние времена золотonosный пласт промывался речным потоком, а потом его снова после землетрясения, как предполагали специалисты, перекрыло горными породами. И несколько окатанных рекой самородков в толще пород застряли. Ты не поверишь! Самородок на шесть с небольшим килограммов в виде ромба с округлыми углами, слиток почти на восемь килограммов в форме кулака с плотно сжатыми пальцами. Еще «Читинский верблюд» килограмма на четыре, самый уникальный – сердце Чингисхана. Больше девяти килограммов в форме практически правильного сердца. И эту экспозицию мы сопровождали в Москву.

– Здравия желаю, – привычно сказал Шаповалов, сдвинув кустистые брови.

– Заходи, Сергей. – Протягивая руку, Романов вышел из-за своего рабочего стола. – Дело есть для твоей группы.

Они прошли по мягкому ковру к двум креслам в углу кабинета, где мягкий свет старомодного торшера падал на стекла и медь качающегося маятника высоких кабинетных часов. Шаповалов не мог понять, откуда у сорокапятилетнего мужчины может взяться такая ностальгическая страсть к старине, к стилю начала прошлого века в интерьере. И тяжелый дубовый стол, и настольная лампа под зеленым абажуром, и отделанные темными дубовыми панелями стены. И на окнах не жалюзи, а тяжелые портьеры в сочетании с собранными в гармошку тюлевыми занавесками. Да и сам хозяин кабинета был под стать интерьеру. Старомодно вежливый, с мягкой интеллигентной улыбкой и седыми висками на темных, коротко остриженных волосах.

Мало кто знал, что у генерал-майора в отставке Ивана Николаевича Романова восемь боевых орденов. И это не считая медалей и наград других государств. И два тяжелых ранения. И что до сих пор его реакция настолько отточена, что в скорости стрельбы и выборе цели в специальном тире ему нет равных. Как и нет равных на теннисном корте, например, и еще много в чем.

Шаповалов уселся в предложенное кресло и посмотрел на шефа, сложившего кончики пальцев рук перед своим лицом. Пауза отдавала театральностью, но Шаповалов знал, что это не просто рисовка, это привычка. Благодаря своим артистическим талантам, благодаря дару врожденного психолога Романов имел связи практически во всех государственных структурах, мог выйти на контакт с любым человеком, мог запросто получить рекомендацию, совет и нужную информацию. А еще именно он и никто другой добывал для «Барьера» заказы. Сколько групп действовало одновременно, сколько и каких заказов выполнялось в данный момент, не знал никто, кроме него самого да пары заместителей.

– Знаешь, Сергей, – заговорил, наконец, Романов, разглядывая кончики своих ботинок, – у нас очень большая страна. Это и наша гордость, и наша беда. Мы очень богатая страна, и в то же время такие обширные территории очень сложно управляемы. Очень большое значение у нас имеет человеческий фактор. Хорошо маленькой Швеции или Финляндии. Там без телефона можно обойтись: в окно высунулся и крикнул.

Шаповалов улыбнулся и поддакнул:

– Если на улице не мороз градусов в пятьдесят!

– Да, проблемы есть у всех, но я не к тому.

Снова повисла пауза. Шаповалов слишком хорошо знал шефа, и знал он его уже лет десять. Еще по службе в ФСО. Романов никогда в служебном разговоре не говорил ничего просто так. А это был его служебный кабинет, и эти пространственные разговоры не должны ослаблять собеседника. Вот если бы они прошли в зимний сад или присели за столик в баре, тогда можно было бы отнести к разговорам Романова, как просто к беседе на общие темы, как к попытке поболтать о жизни.

– Задание имеет выходы на самые верха? – предположил Шаповалов.

– Да, – как будто очнулся Романов, – задание. Я тебя позвал, чтобы поручить одно дело. А выходы... Мы никогда не занимались различными мелкими делами. У нас все дела имеют выходы туда.

Романов поднял тонкий палец и указал на потолок.

– Я слушаю, Иван Николаич, – тихо ответил Шаповалов.

– В прошлом году одна из наших групп сопровождала с Забайкальских приисков коллекцию золотых самородков. Кстати, если спросишь, то эта группа очень сейчас занята другим делом. Так вот, тогда все прошло штатно. Но вот в этом году собственник этих приисков снова вышел на нас, но уже самостоятельно. Видимо, он использовал тот номер телефона, который сохранил после нашего прошлогоднего контакта.

– Вас это смущает?

– Настораживает, Сергей, настораживает. Всегда есть шанс, что кто-то захочет разобратся с нашей конторой. Уничтожить нас не удастся, потому что мы слишком глубоко пустили корни. Но вот подставить нас могут и захотят многие. Из чувства мести вряд ли: в этой среде цель только деньги и прибыль. А вот для того, чтобы нашими руками кого-то убрать, совершить нечто полезное для своего бизнеса или своих политических целей...

– Я понял. Буду осторожен.

– Хорошо, – вдруг бодро заговорил Романов. – Будем считать, что о подводных камнях я тебе рассказал. Теперь камни надводные. Давыдов – депутат Государственной думы. Формально владельцем его приискового предприятия считается двадцатилетняя дочь Юлия, которая живет и учится в университете в Чите. Заметь, не в Лондоне и не в Германии.

– Я понял, – улыбнулся Шаповалов, – в этой семье пустых понтов нет.

– Чего в ней нет, а что есть, ты разберешься на месте. Слушай хронологию событий. Три дня назад в московскую квартиру Давыдова на Балаклавском проспекте проник вор, который унес несколько сот тысяч денег в рублевом эквиваленте, но в различной валюте и кое-какие ценные вещи. Два дня назад в Чите в элитном поселке на берегу реки совершено покушение на его дочь. Девушка отделалась царапинами, но пострадал ее жених – молодой ученый-физик из того же университета. Сейчас он лежит в местной клинике с травмой головы. На основании этих событий Давыдов и принял решение, что его дочери нужна охрана.

– Полиция в Чите?

– Полицию он подключать не стал. Удивлен? Не удивляйся. На момент прибытия охранника из дома Давыдова на место происшествия пистолет, из которого стреляли в Юлию, был зажат в руке ее жениха.

– Который валялся без сознания?

– Да.

– Давыдов не верит в его виновность и хочет во всем разобраться сам?

– Да.

– Надеюсь, вы не считаете нормальным, что ограблена квартира в элитном доме на Балаклавском, где установлена сигнализация, где дверные замки такой группы взломостойкости, что вся моя квартира стоит дешевле?

– Да. Все правильно, Сергей, вот почему мне так интересно с тобой работать.

– Вполне могли не пытаться убить дочь, а лишь подставить жениха, убрав его таким образом со сцены. Вполне могли подставить кого-то из помощников этим квартирным ограблением. По-моему, бьют по окружению, а истиной целью является бизнес.

– И все? – удивился Романов.

– Почему же, – шевельнул своими густыми бровями Шаповалов. – Очень часто таким вот образом начинают мстить за что-то.

– Согласен. Стоит проверить и этот вариант. Одним словом, готовь план работы и ко мне. Завтра я подпишу с Давыдовым договор и издам приказ по твоей группе.

...Олег Михайлович Курносов был невысок ростом, имел мелкие, несколько нервные черты лица и редкие волосы. Голос у него тоже был слегка высок, но это никак не влияло на деловые или начальственные интонации. Курносов был президентом и главным учредителем коммерческого банка «СибирьНедраБанк – СНБ». Банк имел отделения во всех областных и краевых центрах Восточной Сибири и Дальнего Востока и занимался прежде всего тем, что инвестировал средства в проекты добычи природных ресурсов, выступал гарантом по договорам лизинга, кредитовал крупные добывающие и перерабатывающие предприятия, затеявшие модернизацию своей технической базы, приобретение нового оборудования для буровых работ, шахтных проходок и тому подобного.

Олег Михайлович две трети своего рабочего времени проводил как раз в этих регионах, но и в Москве бывать ему приходилось очень часто. Москва – это большая, очень большая кухня. Там бурлит и варится экономическая политика и политическая экономика страны. Там решаются вопросы, которые географически расположены за десятки тысяч километров от столицы. В Москве федеральная власть со всеми министерствами, комитетами, фракциями и кулуарами. Здесь закладываются идеи, строятся планы и рушатся проекты. Но иногда действие переносится на короткий промежуток времени в ту или иную точку огромного государства, чтобы решение вопроса происходило не на глазах у всей страны или ее лидеров.

Сегодня Курносов встречался в Якутске с заместителем председателя Комитета по развитию районов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Комитет был новый, но новый лишь по названию. Подобный орган существовал практически всегда, только менял форму, название, принадлежность, структуру. Он был нужен для разработки стратегических планов, для составления отчетов, проведения независимых экспертиз, координации действий. Но самое главное, он был нужен для перекачки бюджетных денег в эти отдаленные регионы. Не может федеральное министерство так просто перегнуть деньги куда-то, обязательно нужен орган контроля, отчетности, компетентности в этом вопросе. Орган, который будет не только заключать государственные контракты, но и раздавать лицензии.

Курносов прислал за Желобовым своего водителя и ждал его теперь в ресторане «Инди-гирка». Тихое место, прекрасная кухня, степенные посетители. Это не то заведение, куда после двадцати часов ломится народ, которому перестали по Указу президента¹ отпускать алкоголь в магазинах. Даже командированные, у которых возникало желание посидеть вечером за столиком и послушать музыку, предпочитали рестораны в своих отелях.

Желобов вошел в зал, приглаживая непослушную шевелюру, нашел взглядом банкира и пошел к столику. Курносов привстал, пожал протянутую руку и сделал самодовольный приглашающий жест. Это была старая игра, игра в того, кто важнее. Чиновник, облеченный самыми высокими полномочиями в этих регионах, чиновник, который может запросто инициировать лицензионную проверку, даже отозвать лицензию или приостановить ее действие, или чиновник, который может запросто инициировать проверку расходования бюджетных средств, исполнения государственного контракта, соблюдения природоохранного законодательства, решений и постановлений федерального правительства по данному региону и тому подобное.

Но и Курносов хорошо знал, что над заместителем председателя комитета есть еще и председатель, есть и министр. И все его «хотелки» могут прекратить одним телефонным

¹ Указ Президента РС (Я) № 265 от 21.09.2010 г. «О мерах по профилактике алкоголизма в Республике Саха (Якутия)». По этому Указу продажа алкогольной продукции в республике запрещена после 20.00. Алкогольная продукция в Якутии вообще очень дорогая.

звонком. Вопрос лишь в том, на каком уровне происходит разрешение какого-то вопроса или его торможение. А еще Курносов хорошо знал, кому и сколько заплачено (прямо или косвенно) за некоторые решения. В частности, сам Курносов оплачивал кое-какие коммерческие ходы ближайших родственников Желобова. И Желобов это знал. И тем не менее игра в независимость и принципиальность продолжалась не один год.

– Ну, Сергей Яковлевич, – Курносов с улыбкой положил руку на горлышко бутылки водки «Финцка Речка Люкс», – сразу выпьем или сначала решать будем, кто в этих местах больше хозяин? Кто хозяин, тот и угощает.

– Вот оно! – рассмеялся немного напряженным голосом Желобов. – Всяк делец норовит свое государство в государстве устроить. Я помню из истории, что Демидовы на Урале при своих заводах и поселках чуть ли не собственную полицию держали, а то и армию. Такие замашки!

– Ну-у! – рассмеялся Курносов. – Я не претендую. Я предлагаю такое распределение: вы власть, вы в своем праве, а я – лицо, хозяйствующее в этих местах, лицо, которое платит государству налоги, развивает регион своим бизнесом. Думаю, что это вполне приемлемая платформа для сотрудничества и взаимного уважения.

– К чему вы это, Олег Михайлович? – нахмурился Желобов. – Мы, кажется, с вами друг друга знаем не первый год, и в правительстве к вам отношение вполне...

– Это просто шутка, Сергей Яковлевич, просто шутка. Настроение у меня сегодня хорошее, только усталость сказывается. Ну, так водочки?

Еще с полчаса шло прощупывание. Банкир хотел убедиться, что в их отношениях с чиновником ничего не изменилось. Все-таки они не виделись и не общались почти шесть месяцев, а за такое время в столице и во властных структурах могло произойти очень много изменений.

– ...да, это именно те буровые, о которых я вам по телефону и рассказывал, Сергей Яковлевич. У собственника денег на модернизацию нет, я его кредитовать больше не намерен. Неумелое хозяйствование, извините. А душа за природу Якутии болит!

– Хорошо, разберемся, – солидно кивал Желобов. – Это наша, так сказать, епархия. Только вы-то захотите вернуть вложенные деньги? Так ведь?

– Вы всегда все правильно понимали, – заулыбался Курносов. – Просто радостно сознавать, что во властных структурах у нас достаточно умных людей работает. Я предлагаю испытанную схему: предприятие подвести под банкротство, обложить не совсем огромными, но существенными штрафами, приостановить действие разрешительных документов. Ну а дальше моя работа.

– Вы снова скупаете буровые?

– Я их никогда не скупал, мы же банк, – развел руками Курносов. – Просто мы помогаем более умелым предпринимателям взяться за почти загубленное дело. Я знаю, кто из моих надежных партнеров сможет купить, с моей, конечно, помощью, эти буровые и снова наладить работу. Но теперь уже без нарушений. Кстати, вашему департаменту большой плюсики: вы инициировали, вы решили проблему без ущерба для местной экономики и с пользой для местной экологии. Взамен я, как всегда, готов оказать помощь указанным вами лицам и организациям. Спонсорскую ли, какую ли другую. Очень люблю поддерживать различные полезные фонды.

Насчет фондов Курносов сказал не зря. Точнее, напомнил. Именно в прошлом году он перечислил несколькими траншами более полумиллиона рублей в фонд сохранения популяций птиц какого-то заповедника-заказника. Деньги поступили не только от банка, большая часть поступила от других фирм, за которыми стоял Курносов. И учредителем фонда был человек из близких Желобова. И канал обналаживания был у него налажен.

– Через месяц я буду в Забайкалье, – поделился планами Желобов, когда их ужин подходил к концу. – До нашего департамента доходят сведения...

– Да-да-да, – с готовностью закивал Курносов. Это было продолжением их разговора шесть месяцев назад. И как раз по поводу золотодобывающих компаний в Забайкалье. – Я в курсе проблем. Мне как раз сейчас приходится заниматься проблемами моих филиалов в Чите, в Бурятии. Не все предприятия выдерживают современные темпы ведения бизнеса и производства. Думаю, что мы и там с вами увидимся. Посидим дружески, поболтаем за рюмочкой и медвежатинкой. Есть у меня там один любимый ресторантик... Изумительная кухня!

Давыдов сидел в кресле своего кабинета в читинском доме и угрюмо барабанил пальцами по подлокотнику. Юля в сарафане, с большим пластырем на плече с ногами сидела на соседнем кресле и все порывалась вставить слово. Но Давыдов любил во всем порядок и строгую очередность. Тем более в вопросах важных, таких как покушение на собственную дочь.

Один из охранников – плечистый светловолосый Олег – взволнованно кивал своей круглой головой с мощным затылком и пытался очень убедительно доказать хозяину, что действовал он правильно. Не хотелось ему не только терять доходную работу в этом доме, но еще и получить отвратительную репутацию, если его отсюда вышибут. Чита – город маленький. Впрочем, Давыдов и не высказывал претензий охраннику.

– Значит, тебя насторожило долгое отсутствие Юли и Глеба? – спросил Давыдов.

– Ну, скорее несколько факторов, которые в голове как-то сложились, – кивал Олег. – Вроде они собирались отпраздновать по-семейному защиту Глеба, и Макарыч вон цветов нарезал, и Ли на кухне сутился. А они пропали. А потом еще мне показалось подозрительным, что сигнал с телефона Юли долго не двигается. Они же вроде как побродить собрались, на закат полюбоваться.

– Могли просто сидеть и любоваться, – поморщился Давыдов, в голове которого была мысль и о том, что дочь с женихом могли и полежать, а не только посидеть. Понимал, что это современные нравы и что ему ничего с ними не поделать, а все равно было думать об этом неприятно. Своя ведь дочь, не соседская.

– Могли, – снова закивал Олег, но понял, что слишком часто это делает и весь налился краской недовольства собой. – Только я же говорю, что в комплексе! И долго нет, и сигнал не двигается, и праздновать собирались, а их понесло.

Юля бросила на охранника огненный взгляд, но промолчала. Она понимала, что, с точки зрения Олега, все выглядело примерно так, как он и говорил.

– В Глебе тебе ничего странным не показалось в тот вечер? – снова спросил Давыдов.

– Да нет! Он вообще парень с ровным настроением. Пошутили мы с ним немного, он зашел. Ну, может, немного взволнованный был, так опять же... если учесть, что защитился парень, что к невесте пришел...

Юля снова ожгла Олега взглядом и, не выдержав, включилась в разговор:

– Пап, ну ты не о том спрашиваешь, чего ты все...

– Подожди, Юля! – осадил Давыдов дочь. – Тут дело может быть очень серьезными. Не забудь про московскую квартиру. Слишком все это как-то одновременно произошло. – Он снова обратился к охраннику: – Еще раз вспомни, прочувствуй, Олег, и повтори. Значит, ты рванул туда, на берег?

– Да, предупредил всех в доме, чтобы не открывали никому, и на такси туда.

– Ну, дальше-дальше!

– Ну, как я и рассказывал. Еду, смотрю на экран навигатора. Такси не отпустил, штуку ему сунул, чтобы не волновался, а сам на берег. Первым делом к обрыву, а Юля там на песке копошится, головой трясет. Я спустился, смотрю, у нее кровь, как будто полоснули по плечу

слева направо чем-то. Я пиджак скинул, рукав от рубашки оторвал и рану прикрыл. Хотя крови много и не было. Потом на руках вытащил ее наверх... Получилось, что пока место искал, где подняться, вышел левее по течению. И когда поднялся с Юлей, то как раз Глеба и увидел.

– Понятно, теперь подробнее и внимательнее к своим словам отнесись. Значит, что ты увидел?

– Увидел Глеба, что тот лежит лицом вниз, голова повернута к левому плечу. Руки согнуты в локтях и лежат так, как человек обычно падает на них... Вот так, – Олег показал, как лежали руки относительно тела. – Я сначала увидел кровь на голове в районе затылка, а когда мы с Юлей подошли, то я и увидел пистолет в его руке. По запаху из ствола понятно стало, что из него стреляли. И понятно стало, что это пуля Юлю зацепила. Только...

– Опять ступор! – недовольно произнес Давыдов. – Что, у вас с вербальным общением всегда проблемы? Голову открутить кому-нибудь вы горазды, а вот объяснить, зачем, не можете.

– Короче... – замялся Олег на несколько секунд, – короче, не стрелял Глеб в Юлю.

– Конечно! Это же очевидно, – взвилась девушка, – он же...

– Помолчи! – прикрикнул Давыдов на дочь и рывком поднялся из кресла. Он подошел к охраннику вплотную и посмотрел в глаза. – Почему ты сделал такой вывод? Четко, без пустой болтовни!

– Когда человек стреляет из пистолета, у него задействуется определенная группа мышц кисти, – хмуро, но твердо стал говорить Олег. – И если его в этот момент ударить по башке и «отключить», то рефлекторно эти мышцы будут сокращены. Он или выронит пистолет сразу, или не выпустит его. Значит, он продолжал бы сжимать рукоятку и находясь в бессознательном состоянии. А он лежал так, как будто пытался ладонями смягчить удар от падения на землю. И под ладонь ему засунули оружие.

– То есть ты хочешь сказать, что он не сразу потерял сознание, раз ладони были в описываемом тобой положении?

– Сто пудов!

– Олег? – снова повысил голос Давыдов.

– Думаю, что не сразу Глеб потерял сознание после удара, – послушно поправился охранник.

– И это единственное, по-вашему, что оправдывает Глеба? – крикнула Юля, подскочив к отцу и рванув его за рукав пиджака.

– Юля, успокойся.

– Нет, вы оба мне скажите! Вы можете поверить, что Олег решил меня убить? Ну, ты, верзила?

– Не мог, – пробасил Олег послушно.

– Папа?

– Ладно, ладно, – отмахнулся Давыдов, – не верю я в это. Теперь так, Олег. Что не вызвал полицию и спрятал пистолет, молодец. Действовал ты правильно. Значит, говоришь, отпечатков ты на нем не нашел?

– Не нашел, – покачал Олег головой.

Давыдов приехал в больницу около шести вечера, но главный врач был на месте и лично встретил депутата в приемном покое. Рядом топтался еще один молодой врач с недовольным видом и заспанными красными глазами.

– Здравствуйте, Борис Михайлович. – Главврач с легким, немного неуклюжим поклоном протянул руку. – Пойдемте ко мне в кабинет. Там нам будет удобнее разговаривать.

– О чем? – резко бросил Давыдов, уверенно двинувшись к лестнице. – Как состояние Глеба?

– Он... – главврач поспешил за Давыдовым, махнув молодому врачу рукой, чтобы тот следовал за ними. – Пока еще трудно сказать с полной уверенностью... Вот, собственно, я пригласил лечащего врача, узнав о вашем приезде.

Давыдов резко остановился и повернулся к главврачу. Он сразу уперся властным взглядом в молодого врача, отметил его красные глаза и бледное лицо.

– Вы? – спросил он врача. – Почему так выглядите? Пили?

– Я после ночного дежурства, – раздраженно ответил врач. – Подняли вот, специально из-за вас. Чтобы состояние вашего родственника описать.

– Он мне не родственник, – оборвал врача Давыдов. – Каково его состояние?

– Сотрясение мозга, повреждение мягких тканей головы.

– Что вы подразумеваете под сотрясением мозга, какова тяжесть травмы? – начал расплываться Давыдов.

– Под сотрясением мозга, – ледяным тоном ответил молодой врач, – я подразумеваю закрытое механическое повреждение тканей и органов, характеризующееся нарушением их функций, но не приводящее к ярко выраженным изменениям их формы и строения.

Но тут главный врач вовремя понял, что врач просто язвит, цитируя симптоматику.

– Борис Михайлович, – топливо заговорил он, оттеснив плечом врача, – мы тщательно обследовали пациента и не нашли поводов для серьезных опасений. Пройдемте в мой кабинет, там нам будет удобнее разговаривать. А то мы тут посреди коридора стоим...

Наконец главврачу удалось остаться наедине с Давыдовым в своем кабинете. Он снова принялся извиняться за интонации своего врача, но чувствовалось, что это не единственное, что беспокоило руководителя медицинского учреждения.

– Видите ли, Борис Михайлович... – Главврач снял очки и принялся вытирать носовым платком потный нос. Он подслеповато шурился, и от того, что не мог встретиться взглядом с депутатом, ему было легче говорить. – Видите ли, в подобных случаях мы обязаны сообщать в полицию. Налицо нанесение тяжких телесных повреждений, а это, сами понимаете. Есть перечень...

– Я понял вас, – прервал собеседника Давыдов.

Он чувствовал некоторую неловкость из-за того, что не помнил его имени и отчества. Переспрашивать не хотелось, потому что это было бы похоже на попытку установления какого-то неформального контакта, нарушение дистанции. Давыдов любил дистанции, тем более он сейчас чувствовал, что разговор перейдет в иное, не совсем приятное для него русло.

– Я понял вас, – повторил Давыдов, – и тем не менее прошу вас этого не делать. Никакого нападения не было, не было преступления. Это просто несчастный случай, уверяю вас. Если сейчас вы сообщите в полицию, то неизбежной окажется проверка, об этом узнают журналисты и раздуют череду «жареных» фактов. Мне это совершенно не нужно. С полицией я все улажу, если это будет необходимо. И если к вам претензии возникнут, то и это я улажу. Я даже подумаю, чем помочь вашему учреждению, но это попозже, сами понимаете, что мне сейчас не до этого.

И тут он понял, что сболтнул это зря. Давыдов вроде бы признался, что криминал все-таки имел место. Может, главный врач этого не заметил?

– Значит, состояние пациента в пределах нормы?

– Да, конечно, – поспешно и немного облегченно ответил главврач, обрадовавшись, что разговор на скользкую тему закончился.

Шаповалову, чтобы не терять время, пришлось собирать свою группу и инструктировать ее через Интернет в режиме видеоконференции. «Барьер» никогда не пользовался «Скайпом», потому что эксперты множество раз получали информацию, что «Скайп» возможно несанк-

ционированно прослушивать. В лаборатории «Барьера» разработали свою собственную программу, максимально защищенную.

– Я остаюсь в Москве, – говорил Шаповалов, всматриваясь в лицо подчиненных. – Здесь слишком много хвостов у нашего заказчика. Подчеркиваю, что наша задача – не только физическая охрана дочери Давыдова, но и установление факта покушения на нее, установление исполнителей и заказчиков, а также причин. Точнее, мотивов. Как всегда в таких случаях – полная программа.

– Ясно, шеф, мы поняли, – ответил за всех Борисов, являющийся в группе заместителем Шаповалова.

– Если поняли, тогда слушай расклад. Геннадий, ты с Николаем займись вплотную фирмой Давыдовых. Наиболее вероятный мотив – это либо конкуренция, либо наследование бизнеса. Веня, ты бери Александра и займись безопасностью дома и дочери заказчика. Она девочка интеллигентная, у нее жених физик, так что тебе проще будет найти с ними общий язык. Ну а Саня проработает противоснайперскую программу.

– А я? – не удержался Иванов.

– Тебе, Дима, задание особенное, по твоему опыту и по твоей оперативной сноровке. Ты у нас по прошлой своей работе во внешней разведке привык действовать один и полагаться только на себя. Вот и займись женихом дочери Давыдова.

– Вы полагаете, что покушение могло быть не на нее, а на него?

– Интересная мысль, – рассмеялся Шаповалов. – Кстати, я об этом не подумал!

– В том смысле, – скептически хмыкнул Борисов, – что кто-то решил расчистить место для женитьбы на богатой девушке? Зачем было в нее стрелять?

– Имитация, – тут же ответил Иванов. – Как раз для того, чтобы запутать нас. Кстати, удалось – ты же не веришь.

– Ну, парень в теме, – кивнул Шаповалов. – Только имей в виду, Дима, что самое твое большое беспокойство – как раз жизнь этого парня. Если совершится самое невероятное и выяснится, что покушение было не на девушку, а именно на него, тем более если покушение повторится и удастся, то мы провалим все дело. Ориентироваться придется тебе очень быстро и без консультаций с руководством.

– Все поняли, шеф, – снова за всех ответил Борисов. – Либо конкуренты, либо бандиты.

Глава 3

Веня Волохов не был в Чите почти год. Он с интересом крутил головой, пытаясь найти значительные изменения. Это была привычка еще с детства, какое-то странное чувство, которое одолевало еще в том возрасте. Стоило на пару недель, на месяц куда-то из города уехать, и уже после возвращения казалось, что ты увидишь что-то новое. Веня никогда не мог ответить себе на вопрос, а что же он ожидает увидеть. Новые дома, новые улицы, какие-то изменения в людях? И все равно он продолжал вот так же, как и сейчас, крутить головой и ждать чуда.

Саня Халов уверенно вел по коммуникатору «Ниву Шевроле», продвигаясь на северо-восток города к элитному поселку. Борисов с Моргуновым приехали в Читу первыми и за пару дней подобрали несколько машин для группы по объявлениям «сдам в аренду». За хорошие деньги за сутки на нескольких СТО у всех были приведены в полный порядок двигатели и ходовая часть машин.

– Вон те ворота, – ткнул вперед пальцем Халов. – Подъезжаем?

– Давай, – кивнул Веня. – Время для нас сейчас – самый важный фактор.

– Ну да. Если это было все-таки покушение, – проворчал Халов.

– А ты, кажется, не веришь?

– Слушай, – Халов даже сбросил скорость и недовольно глянул Вене в глаза, – ты забыл, что я снайпер, взрывник. Тут вообще не было проблем, если кто-то хотел девочку ухлопать. Или ее ухажера. Любого качества винтовка и самая обычная оптика. Или взрывное устройство под днище ее машины. Она ведь, ничего не боясь, ездит по городу, учится в университете. А тут какая-то клоунада!

– А что же ты Шефу все это не изложил? – насмешливо спросил Веня.

– А ты думаешь, что Шеф это сам не понимает? Он, дружок, президента охранял, у него с головой все в порядке.

– Тогда к чему ты завел весь этот разговор?

– К тому, что нам с тобой придется решать тут задачки с таким количеством неизвестных, что хоть в петлю лезь. Терпеть не могу работать, когда непонятно самое насущное, когда цель задания и та не ясна. Против кого мы тут, против чего, что вообще произошло в тот день?

– Разберемся, – не очень уверенно ответил Веня.

Давыдов встретил оперативников в холле. Молча выслушал представления по именам и фамилиям, кивнул, а потом предложил выйти на улицу.

– Вот ваш периметр, – кивнул он на заборы и фасад дома. – Вы спецы – вам решать. Мне сказали, чтобы я не вмешивался в вашу работу и ваши решения. Вообще у меня тут электроники напичкано достаточно, видеонаблюдение круглосуточно ведется, аппаратная на первом этаже возле кухни. Обычно было трое охранников, ребята надежные. Дежурили они сутками по одному. Теперь я условия изменил, и они работают по двое, а один отдыхает. Само собой разумеется, что оплачиваю я их работу теперь по другому режиму. Получается, что они по двое суток у меня в доме...

– Борис Михайлович, – перебил хозяина Веня, поняв, что депутат нервничает и говорит больше обычного. – Зарплата ваших охранников к делу не относится. Познакомимся с ними постепенно, с каждым. У вас еще ведь водитель есть?

– Я его оставил в Москве, попросил пока в квартире моей пожить.

– Зачем? – удивился Халов.

– Не знаю. Как-то спокойнее. Так что вам еще нужно от меня, какая информация?

– Показать нам внутреннюю территорию, наверное, могут и охранники, а вы просто расскажите, кто из обслуживающего персонала бывает или постоянно находится в доме и кратко охарактеризуйте всех.

– Саня, ты иди поговори с охранниками, – предложил Веня, – взаимодействие, системы наблюдения, ну и все, что нам нужно.

Халов пожал плечами и скрылся в доме. Веня попросил задержаться Давыдова, который двинулся было следом.

– Простите, Борис Михайлович, я хотел бы задать вам еще несколько вопросов. Раз уж нам предстоит заниматься физической охраной, то мне нужно еще кое-что знать. От снайпера защиты нет, а предполагать его появление – это уже спасение. Наши ребята будут рыть землю вокруг вашей проблемы, поэтому не удивляйтесь вопросам, которые на первый взгляд покажутся странными или неуместными.

– Спрашивайте, – разрешил Давыдов.

Веня посмотрел на этого человека и в который уже раз подумал, что в современных фильмах и сериалах детективного жанра очень часто показывают крупных бизнесменов и политиков не такими, какие они есть на самом деле. То ли режиссеры и актеры не удосуживаются познакомиться со средой, про которую будет сниматься фильм, то ли это жадность, нежелание тратить время и деньги на такие мелочи, как знание фактуры. «Пипл схавает», – очень удобная и многое объясняющая формула.

Очень часто в таких дешевых сериалах бизнесмен, у которого, к примеру, похитили дочь, умоляет сыщика или какого-то другого героя, например личного охранника, спасти кровиночку. У него, видите ли, никого, кроме нее, нет, она смысл его жизни, он готов ради нее... и тому подобная мура. Хрен там! Даже в такой ситуации они не унижаются и не умоляют! Не бывает среди олигархов и крупных политиков таких слюнтяев. Они многого в этой жизни добились лишь потому, что их очень и очень трудно сломать, потому что они умеют держать удар.

И они не привыкли, точнее, очень давно разучились просить и умолять. У них этого в крови нет. Тем более чтобы умолять кого-то, кто по статусу ниже их на несколько порядков. Эти люди приказывают. Он скорее будет приказывать и угрожать тому же сыщику, что если тот не найдет его дочь, то он его же и закопает. Так сказать, промотивирует дополнительно к обещанному гонорару.

И Давыдов, реально оценивая опасность, может, даже понимая истинные ее источники, оставался властным, жестким. Этот человек всю жизнь боролся за себя, за свою семью, за свой бизнес, его не заставишь умолять и просить. Нет, он сам будет глотки рвать!

– Скажите, Борис Михайлович, – спросил Веня, – а почему ваша дочь учится в Читинском университете, а не в Лондоне, не в Москве хотя бы?

– А вы считаете, что все должны учиться в Москве или Лондоне? – насмешливо спросил Давыдов. – Вы серьезно полагаете, что там лучше учат? И что на одной и той же специальности в Москве и в Чите разные учебные программы и разные учебники? Ну, разные там профессора, ну расскажут они студентам о своей личной заслуге в этом вопросе, о своем взгляде на проблему, и что? К тому же диплом британского вуза хорош в Британии.

– То есть, насколько я понял и насколько меня проинформировало мое руководство, ваша дочь – единственная наследница вашего бизнеса здесь и формально является его хозяйкой?

– Вас правильно проинформировали, – недовольно ответил Давыдов. – И совершенно очевидно напрашивается вывод, что покушение на нее может являться частью плана по захвату моего бизнеса. Уж не знаю какими путями.

– Может, вас таким образом хотят убрать из политики? Вы же, как депутат, не должны иметь бизнес, а убрав вашу дочь, извините за некоторый цинизм, они лишают вас, таким образом, мандата. Вам же придется вступать во владение вашими приисками?

– А вы разбираетесь в этой кухне немного, – с усмешкой похвалил Давыдов. – Вполне резонное замечание. Есть еще вопросы или вы, наконец, займетесь той работой, ради которой вас и наняли?

Веня сдержал усмешку и просто кивнул. Ему без всяких намеков сказали, что пора отрабатывать денежки, за эту работу заплаченные. Давыдов скрылся в доме. Веня проводил взглядом его широкую спину и двинулся в обход территории. Стандартная планировка участка: фасадная часть с воротами и отдельной калиткой, широкая площадка, выложенная цветным тротуарным камнем от ворот до самого дома. На территории с фасадной части только четыре цветника и газоны с декоративными низкими деревьями.

Забор по периметру шел глухой, из бетонных плит с красивым выпуклым орнаментом. Задняя часть территории была больше по площади, чем передняя. Здесь были и плетущиеся розы, и большая беседка, и бассейн. Бассейн скорее как дань моде, нежели необходимость. Климат в Забайкалье не располагал. Вполне уютное место для семейного отдыха на свежем воздухе... Выбирай цель и стреляй!

Веня невольно стал смотреть поверх забора и искать место, удобное для снайпера. Красиво и уютно, но все это Вене совсем не нравилось. И Халов, как более опытный в этих вопросах, тоже его поддержит. Ограждающий забор – не препятствие для желающих забраться. Его высота даже меньше двух с половиной метров. Датчиков движения на нем не видно. Да и камер наружного наблюдения Веня заметил всего четыре. Они просто не могли перекрыть всю территорию.

Веня отошел к забору и посмотрел на окна. Так и есть! Занавески сложные, но скорее декоративные, нежели предназначенные для использования по прямому назначению – загромождать оконный проем от солнечного света и посторонних глаз. Фактически обзор для снайпера прекрасный. Тут бы жалюзи, но это же офисный стиль, для такого уровня жизни неприемлемый. Придется убеждать. Ладно, схема электронной защиты – это дело Халова.

Веня пошел к дому для знакомства со своим непосредственным «объектом» – Юлей Давыдовой. На нем физическая охрана, он должен стать ее тенью, телохранителем. Почему так распределил роли Шаповалов, ведь у Вени самый маленький опыт работы? Или он полагает, что опасность для Юли самая маленькая?

Странный человек их командир Шаповалов, которого ребята за глаза зовут Шефом или Боссом. Вполне можно предположить, что для него важнее, чтобы телохранитель нашел общий язык с дочерью депутата. И Веня, как бывший научный сотрудник, больше других для этого подходит. Больше общих интересов, он способен поддержать в разговоре любую интересующую ее тему. Может, это и главное, может, Шаповалов как раз и рассчитывает на полный контакт. Будет контакт, значит, «объект» станет послушным, значит, проще будет его обезопасить. В смысле – ее.

Веня взбежал по ступеням, взялся за ручку входной двери, но тут услышал голоса справа. Здесь с просторного патио был еще один вход в дом. Веня прыгнул, ухватившись руками за перила, подтянулся и перемахнул через ограждение. Остекленная дверь была открыта, и ветерок колыхал нежную тонкую тюль. А нет, не все так плохо! Над дверью Веня увидел коробку рольставней. Он было уже подумал о безграничной беспечности хозяина.

В холле Давыдов убеждал свою дочь в чем-то, чего Веня не понял. Бизнесмен и девушка замолчали и уставились на него. Юля молодому человеку понравилась: высокая, стройная, с пышными каштановыми волосами до плеч и живыми глазами, которые очень хорошо передавали ее эмоциональное состояние. Девушка была одета в простое платье с открытой грудью, или, как это называется у женщин, с открытой «зоной декольте». «Зона» была красивая, как, собственно, была красивой и грудь.

Пришлось брать инициативу в свои руки и сглаживать заминку, связанную с его внезапным появлением.

– Здравствуйте, – улыбнулся Веня, – вы Юлия? А меня зовут Веня, а моего...

– Мне не обязательно знать ваших имен, – оборвала его девушка, обдав, как волной, темным гневным взглядом. – Ваше дело охранять дом? Вот и охраняйте.

Она повернулась и демонстративно ушла в сторону лестницы, ведущей на второй этаж. Давыдов нахмурился и поиграл желваками. Он явно не хотел при посторонних увещевать дочь и заставлять ее делать что-то. Ситуация была щекотливой.

– Ничего, – уверенно заявил Венья, – я думаю, что мы найдем с Юлей общий язык. В конце концов, она умная девушка и понимает, что мы сюда приехали по серьезной причине. И она, наверное, переживает за жениха?

– Это инициатива вашего начальства не пускать никого к Глебу, – недовольно ответил Давыдов. – Ладно, я сейчас уеду, а вы осматривайтесь. Вечером обсудим ваши предложения... Черт! Времени совсем нет. Больше двух дней я здесь проторчать не могу! И в Москве быть надо, и здесь...

– Можете спокойно ехать, – заявил Венья. – Ваша дочь под надежной охраной.

– Надеюсь, – думая о чем-то своем, ответил Давыдов. – Только уж отношение с ней вам придется самим устанавливать. Девочка она с характером... Ну, впрочем, я с ней поговорю.

Венья застал Халова в комнате охраны над схемой дома и прилегающей территории. Судя по надписи на рядом лежавшей папке, это был проект охранно-пожарной сигнализации и системы видеонаблюдения. По крайней мере, у них теперь был точный план дома и дворовой части. В комнате сидели еще двое в строгих темных костюмах. Один – высокий худощавый парень, похожий лицом на кавказца, второй – темноволосый, плечистый, со шрамом на правой брови.

– Ну, как у тебя? – поинтересовался Венья, рассматривая охранников.

– Нормально, познакомься, кстати. Это Тофик Зейналов, это Михаил. Есть еще Олег, но он будет завтра.

Парни по очереди пожали протянутую Веньей руку. Михаил все время как-то скептически хмурился, а Тофик смотрел приветливо и с интересом. Саня задумчиво чесал в затылке карандашом, смотрел на схемы.

– Смотрите, – предложил он всем, – у нас периметр сейчас доступен для проникновения. Можем его, конечно, заминировать, но мы же не блокпост строим. Значит, достаточно сигнализации, которая даст информацию сразу на пульт в этой комнате и на переносные приемники. Если поставить по углам инфракрасные излучатели, то любое теплое тело спровоцирует сигнал, по внутренней кромке стен лучше разместить датчики движения. Это будет второй уровень безопасности.

– А че сразу наверху не поставить два вида датчиков? – спросил Михаил.

– Тогда ты из-за каждого упавшего с дерева листка и из-за каждой птички будешь за пистолет хвататься, – спокойно и как-то задумчиво ответил Халов. – Но меня больше беспокоит вечернее и ночное время.

– Окна? – спросил Венья. – Я тоже уже думал об этом.

– Ох, не договоритесь вы с Юлькой, – засмеялся Тофик. – Она девка с характером. Скажет, что вам поручили охранять, вот и уродуйтесь, а я из-за ваших капризов свой быт ломать не буду.

– Ну ладно тебе палку перегибать, – хмуро возразил Михаил. – После этой истории она хоть и нервная немного, но понимать стала, что такое опасность.

– Да-а? – Халов вдруг поднял свои светлые невинные глаза и посмотрел на парней. – Интересно, и что же это такое – «опасность»?

– В смысле? – еще больше нахмурился Михаил. – Опасность, чего тебе не понятно? Опасность – это когда опасно, когда тебе что-то угрожает.

– Нет, Миша, – с довольным видом расплылся Халов, демонстрируя свои великолепные белые зубы. – Нам всем всегда что-то угрожает. Задумался, переходя дорогу, и пожалуйста. Сел в пассажирский самолет, и уже опасно. А вдруг двигатель подведет или террорист-смертник окажется на борту? Под опасностью мы все всегда ходим.

– И че? – Глаза Михаила недобро сощурились. – Умничаешь?

– Не-ет, – рассмеялся Халов. – Пытаюсь понять. Она конкретно чего-то опасается или просто боится теперь всего и всех? Это две разные вещи. Адекватно оценивать угрожающую тебе конкретную опасность, исходящую от конкретных лиц или конкретной ситуации. Или просто теперь бояться «потому что»? У нее что? Вы выясняли?

– А что может быть у девки, когда в нее выстрелили средь бела дня и жениха чуть не убили?

– Ты так говоришь, как будто это были хулиганы. Она хулиганов боится или покушения на себя, как на владелицу серьезного бизнеса и как дочь депутата Государственной думы?

Михаил промолчал и отвернулся. Халов многозначительно развел руками, как бы говоря, что вот вам и ответ на все вопросы.

– Вот такая разница между нами, Миша, – сказал он. – Вас наняли, чтобы вы просто охраняли от чего-нибудь, а нас для того, чтобы разобраться, кто, зачем напал, почему не убил, если мог убить, на кого именно напал и будет ли повторять попытки, если считать, что предыдущая не удалась. Профиль у нас такой, понимаешь?

– Да все он понял, – рассмеялся Тофик, который с большим интересом наблюдал за этой перепалкой. – Просто Миша у нас в Юльку влюблен немножко, вот и злится, что его рядом не было в тот вечер, что Олегу подфартило ее на руках таскать по берегу.

– Ничего и не влюблен! – огрызнулся Михаил. – Че она мне... а я ей...

– Хорошо, что понимаешь, – похлопал Тофик друга по спине.

Без пилы плохо, это Иван знал. Существуют моменты, когда и нож тебя не спасет в тайге, и топор не спасет. Что топор? Нарубить веток, свалить сухое дерево, щепок настрогать для «разжига». Но костер очень быстро прогорает, а для долгого костра нужна сухая древесина. Сейчас в тайге влажно, и все упавшие деревья уже напитались влагой. Можно только ломать сухие ветви стоящих деревьев. Для того чтобы ночью спокойно спать в тепле и безопасности, нужны сухие стволы. Они долго будут гореть и отдавать тепло. Между такими стволами можно спокойно спать, хотя ночью температура падает в тайге очень низко. И зверь не подойдет.

Но топора у Ивана не было и ножовки тоже не было. И оставался у него единственный выход – украсть. Не столько сложно, сколько опасно. Он должен пойти в деревню и украсть хоть какой-то инструмент, но при этом не должен попасться хоть кому-то на глаза.

Иван покрутился и почесал затылок. Ему ведь еще и костер бросать нельзя. Второй раз разжечь его будет нечем. Как в каменном веке. Хоть корзинку с углями таскай с собой по лесу. Камни! Камней тут много! И он, вооружившись толстой веткой, стал выковыривать из травы валуны размером со свою голову. Минут через тридцать Иван сложил из них круг высотой сантиметров в тридцать или сорок. Вот и очаг. Если он прогорит до конца, то под толстым слоем пепла все равно останется достаточный жар, чтобы воспламенить трут. Правда, трута нет. Другие птичьи гнезда очень высоко, и ему не забраться туда. Влажная вата из его фуфайки будет только дымить и не загорится.

И тут Ивану на глаза попался гриб-трутовик на стволе соседней березы. Как же это он забыл! Он камнем отбил гриб, разыскал под ногами свою драгоценную ржавую железную пластину и принялся срезать у гриба нижнюю мягкую кожу. Без ножа эта работа заняла у него много времени, но зато он получил то, что хотел. Пленка была толстой и мягкой, как кусок кожи. Положив ее на ствол дерева, Иван стал отбивать палкой пленку до мягкого состояния.

Теперь самое главное. Он развел в своем выложенном камнями очаге большой костер, навалив сверху побольше толстых сухих веток. Потом, воткнув две палки неподалеку, укрепил на них отбитую пленку трутовика. Когда она высохнет, получится отличный трут. И загораться будет легко, и затушить его будет сложно. Еще раз скептически осмотрев свой лагерь, Иван двинулся в сторону деревни. Главное – успеть вернуться до темноты.

Он шел быстро, хотя давалась ему ходьба с трудом. Он за эти дни совсем окоченел, суставы застыли и чуть ли не скрипели при ходьбе. Все тело болело, и в нем почти все время ощущался озноб. Сказывалось еще и полуголодное существование. В силки не попадалась птица, грибами до отвала не наешься, а к змеям Иван испытывал стойкое отвращение, хотя понимал, что в его положении – это единственная доступная сытная и содержательная еда.

Однако Ивану пришлось обходиться лишь растительной пищей. Очень помогли бы плоды актинидии, или амурского крыжовника, но они созревают к концу августа. У одной из ее разновидностей плоды достигают размеров огурца. Очень питательная вещь. Иван, к своему сожалению, в местности, где ему пришлось скрываться, нашел лишь саранку, или лилию кудреватую, как ее называют ботаники. Ее крупные пурпурные с фиолетовыми пятнами цветы на полутора-метровых стеблях были видны издалека. Он несколько раз запекал мясистые луковицы этого растения в костре, что давало ему некоторое разнообразие к грибному меню.

Конечно, выручила бы река, но до реки было далеко. А река – это рыба! Река – это хотя бы рогоз, потому что его поджаренные молодые побеги и корневища содержат достаточно крахмала и сахара, чтобы ими можно было питаться длительное время. Даже из пыльцы рогоза можно было извлечь пользу. Например, смешав с водой, выпекать хлебцы. Но у Ивана не было посуды.

Пытался Иван есть и плоды маньчжурского ореха, запекая их в костре для того, чтобы лопнула кожура. Но от орехов его начинало подташнивать. И совсем бы Иван оголодал и лишился сил, если бы не хорошо знакомый каждому таежнику китайский лимонник. Он цвел с середины июля и был хорошо замечен своими светло-розовыми цветами и мясистыми овальными листьями. Раз в день Иван поддерживал силы сочными и терпкими ягодами лимонника, выискивая в зарослях плотные гроздья. Обилие веществ, которые помогают поддерживать состояние бодрости, восстанавливать силы, было ему как нельзя кстати.

Очень хотелось мяса, но тепло и сносный ночлег были важнее. А для этого Ивану нужен был инструмент. Можно провести ночь у костра, наломав и подстелив под себя копну лапника. Под утро костер прогорит и сверху начнет щипать холод, сковывать все тело своими ледяными объятиями.

Можно сделать «коптилку», как ее называют охотники, – универсальное средство, позволяющее выжить в тайге ночью даже в мороз. Нужно над овальным кострищем (остатками горячих углей после того, как костер прогорит) настелить толстые стволы молодых деревьев, потом поперек положить короткие обрубки стволиков. Чувствовать себя будешь, как шашлык, но в мороз так можно спать почти без одежды – жара от угасающих углей хватит на несколько часов, чтобы согреть тебя. А столб теплого воздуха долгое время не будет подпускать к тебе мороз сверху и с боков. Но для этого тоже нужен топор или пила.

Иван шел к деревне и прикидывал варианты своих действий. Украсть пилу или топор сложно. Этот инструмент просто так во дворах не бросают. Нужно не просто забраться к кому-то во двор, нужно еще и в сарай попасть. А во дворах обычно бывают собаки. В деревнях вообще очень много собак. Иван представил, какой хор его встретит при появлении в деревне. Чужак! Это они сразу учуют. Ему очень не хотелось идти в деревню, но иного выхода не было.

Музыку он услышал сразу. Эти звуки были настолько неуместны в глухой тайге в нескольких километрах от жилья, что сразу резанули слух. Иван замер на месте и стал медленно крутить головой. Да, слева. Там небольшой распадок, ручей, там тихо и никогда не бывает ветра. И там он в прошлый раз видел свежее кострище. Туристы! Эта мысль недовольно скользнула в мозг, но потом засела там прочно, стала шевелиться и беспокоить.

Иван даже улыбнулся, настолько эта идея показалась заманчивой. Главное, чтобы у «туристов» не было собаки. Он прибавил шагу и даже улыбнулся. К распадку от шоссе можно было проехать лесной дорогой. Когда-то это была тракторная дорога, очень давно. Но потом деланку запретили к вырубке, а дорога уже оказалась расчищенной. И по ней еще какое-то

время вывозили сваленный лес, потом местные ездили: кто за дресвой, кто собирал толстые ветки на тын вокруг огородов, чтобы козы не ходили.

«Только бы не увидели, только бы не увидели», – думал Иван, стараясь наступать мягко и не шевелить ветвей. Он увидел сквозь кустарник большое черное пятно, услышал голоса, почувствовал запах дыма и жарившегося мяса. Желудок свернулся узлом, а рот непроизвольно наполнился слюной. Хотелось броситься туда, на поляну, упасть этим людям в ноги и попросить хоть кусочек... и обязательно с хлебом, хотя бы одну корочку черного хлеба...

Иван сжал голову руками и опустился на колени. С этим надо что-то делать, так нельзя. Ты знаешь, что над тобой витает смерть, и поэтому не имеешь права расслабляться. Иван стискивал голову, кусал губы. Наконец, ему удалось взять себя в руки и вызвать в себе злобу. Злобу на всех, в том числе и на этих отдыхающих на поляне людей. Ишь, веселятся, гитара у них, шашлык, водка!

Осмотр поляны показал, что тут расположились люди, намеревающиеся ночевать. Большой черный «УАЗ Патриот» стоял на краю поляны с открытыми дверками. Рядом ютилась серая «Нива». Возле костра топтались в ожидании шашлыка трое мужчин, четверо женщин и две девочки-подростка. Тут была гитара, водка, коробки с соком, вокруг костра лежали заготовленные свежеспиленные бревна для сидения. Кажется, это были люди, которым не нужно городского уюта. Для таких поездок вполне можно найти дешевые и удобные раскладные стулья и столики. И мангал можно купить. Так нет, этим надо, чтобы все было по-лесному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.